

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №89

КЕМЕРОВО 2020

09 марта 2020
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 09.03.2020 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	3
Мухаммадиев Ж.У., Нуржанов Ж.Ш.	
2. ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	7
Мухаммадиев Ж.У., Салаев А.К.	
3. ГАРАНТИЙНЫЕ СРОКИ И СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ДОГОВОРАМ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА.....	12
Кириловский В.А.	
4. ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА.....	16
Мирная А.А.	
5. ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В УСТУПКЕ ПРАВА ТРЕБОВАНИЙ (ЦЕССИИ).....	19
Железнова Д.В., Лапшина О.С.	
6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ ПО ДОГОВОРАМ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	29
Башмакова В.В.	

Мухаммадиев Жаббор Уракович

Национальный Университет Узбекистана, профессор кафедры
«Прикладная математика и компьютерный анализ».

Mukhammadiev Jabbor Urakovich

National University of Uzbekistan, professor of the department
"Applied mathematics and computer analysis".

E-mail: jabbor-1963@mail.ru

Нуржанов Журабек Шомуратович

Национальный Университет Узбекистана, магистр кафедры
«Информационной безопасности».

Nurzhanov Zhurabek Shomuratovich

National University of Uzbekistan, master of the department
of "Information Security".

УДК 34

**СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН****SYSTEM OF ENSURING OF INFORMATION SECURITY OF THE REPUBLIC OF
UZBEKISTAN**

Аннотация. Проблема обеспечения информационной безопасности любого государства является одним из наиболее важных аспектов его внешней политики, так как именно информационная сфера представляется на сегодняшний день важнейшим объектом приложения деятельности различных участников международных отношений. В связи с бурным развитием информационных технологий появляются угрозы нового типа – угрозы информационной безопасности в масштабе страны, соответственно, государство должно оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку и предпринимать решительные шаги по организации слаженной комплексной системы информационной безопасности. В статье анализируются основные подходы к обеспечению информационной безопасности страны, сформулированы цель, задачи, функции, принципы обеспечения информационной безопасности страны.

Abstract. The problem of ensuring the information security of any state is one of the most important aspects of its foreign policy, since it is the information sphere that is today considered to be the most important object of application of the activities of various participants in international relations. In connection with the rapid development of information technologies, threats of a new type are emerging - threats to information security on a national scale, respectively, the state must respond quickly to a changing situation and take decisive steps to organize a coherent complex information security system. The article analyzes the main approaches to providing information security of the country, formulated the goal, tasks, functions, principles of ensuring information security of the country.

Ключевые слова: цель, задачи, функции, «обеспечение», «безопасность», «информационная безопасность», принципы обеспечения информационной безопасности страны

Key words: purpose, tasks, functions, "ensuring", "security", "information security", principles of ensuring information security of the country.

Информационная безопасность является самым главным элементом по обеспечению жизненно важных интересов нашей страны, так как угрозы национальной безопасности страны во всех сферах деятельности государства все больше осуществляются через информационную среду. Технологические системы информационной безопасности получили весьма ограниченное распространение не только по причине своей ненадежности и высокой стоимости постоянной модернизации, но и в силу их неудобства для пользователей, сопряженного с постоянными рисками дополнительных расходов, в связи с утратой оперативного доступа к системам хранения и обработки информации. С одной стороны, мероприятия по защите информации должны использовать самые прогрессивные технологические разработки [5,6], которые имеют существенную стоимость и отрицательно влияют на конкурентоспособность продукции предприятий; с другой стороны, технологическая сложность систем защиты информации отрицательно влияет на оперативность

доступа к актуальной информации. В связи с бурным развитием информационных технологий появляются угрозы нового типа – угрозы информационной безопасности в масштабе страны, соответственно, государство должно оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку и предпринимать решительные шаги по организации слаженной комплексной системы информационной безопасности.

Под информационной безопасностью Республики Узбекистан понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства[1].

Система информационной безопасности является неотъемлемой составляющей системы национальной безопасности государства.

Система обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан предназначена для формирования и реализации государственной политики в вопросах обеспечения национальной безопасности Республики Узбекистан.

Государственная политика обеспечения информационной безопасности в Республике Узбекистан формирует направления деятельности республиканских органов государственного управления в области обеспечения информационной безопасности, включая гарантии прав всех субъектов на информацию, закрепление обязанностей и ответственности государства и его органов за информационную безопасность страны, и базируется на соблюдении баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере[2].

Государственная политика является открытой и предусматривает информированность общества о деятельности государственных органов и общественных институтов в области информационной безопасности с учетом ограничений, предусмотренных действующим законодательством. Она основывается на обязательном обеспечении прав граждан и организаций на свободное создание, поиск, получение и распространение информации любым законным способом. В этих целях государство совершенствует существующее и разрабатывает новое законодательство и нормативно-правовую базу информационных отношений в обществе, а также осуществляет контроль за безусловным их исполнением.

Государственная политика обеспечения информационной безопасности исходит из следующих основных положений:

ограничение доступа к информации есть исключение из общего принципа открытости информации и осуществляется только на основе законодательства;

ответственность за сохранность информации, ее засекречивание и рассекречивание персонализируется;

доступ к какой-либо информации, а также вводимые ограничения доступа осуществляются с учетом определяемых законом права собственности на эту информацию;

государство формирует нормативно - правовую базу, регламентирующую права, обязанности и ответственность всех субъектов, действующих в информационной сфере;

юридические и физические лица, собирающие, накапливающие и обрабатывающее персональные данные и конфиденциальную информацию, несут ответственность перед законом за их сохранность и использование;

государство законными средствами обеспечивает защиту общества от ложной, искаженной и недостоверной информации, поступающей через средства массовой информации;

государство осуществляет контроль за созданием и использованием средств защиты информации посредством их обязательной сертификации и лицензирования деятельности в области защиты информации;

государство проводит протекционистскую политику, поддерживающую деятельность отечественных производителей средств информатизации и защиты информации и осуществляет меры по защите внутреннего рынка от проникновения на него некачественных средств информатизации и информационных продуктов;

государство способствует предоставлению гражданам доступа к мировым информационным ресурсам, глобальным информационным сетям;

государство стремится к отказу от зарубежных информационных технологий для информатизации органов государственной власти и управления по мере создания конкурентноспособных отечественных информационных технологий и средств информатизации.

На основе изложенных принципов и положений можно определить основные функции

системы обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан:

проведение единой политики в области обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан;

разработка нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан;

определение и поддержание требуемого баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимостью сохранения в тайне информации, подлежащей защите государством в соответствии с действующим законодательством Республики Узбекистан;

оценка уровня информационной безопасности в республике, выявление источников внутренних и внешних угроз в области обеспечения информационной безопасности, определение приоритетных направлений предотвращения, парирования и нейтрализации этих угроз;

координация и контроль деятельности республиканских органов государственного управления и других организаций, решающих задачи обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан;

предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в информационной сфере, осуществление судопроизводства по делам о преступлениях в данной области;

организация разработки и реализации государственных программ, поисковых и прикладных научных исследований в сфере обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан;

защита государственных секретов и прежде всего в республиканских органах государственного управления и исполнительных государственных органах, на оборонных предприятиях;

контроль за организацией и обеспечением информационной безопасности посредством обязательного лицензирования деятельности в этой области и сертификации средств защиты информации;

совершенствование и развитие единой системы подготовки кадров в области информационной безопасности Республики Узбекистан[3];

поддержка национальных научных школ, имеющих фундаментальные научные результаты мирового уровня по информатике и связи;

содействие продвижению конечных программно-технических продуктов отечественной разработки и производства на мировой рынок;

обеспечение прямого конкурсного отбора исполнителей государственных заказов по созданию и модернизации информационно-телекоммуникационных систем с четким приоритетом отечественных;

развитие государственной системы подготовки научных кадров, разработчиков и производителей различных средств информатизации и связи;

выработка экономических и социальных мер по предотвращению «утечки умов» в области информационных технологий, в том числе посредством создания специализированных технопарков.

Осуществление международного сотрудничества в сфере информационной безопасности, представление интересов Республики Узбекистан в соответствующих международных организациях.

Кадровое обеспечение представляет собой систему подготовки, переподготовки и использования кадров в интересах обеспечения информационной безопасности государства.

Система должна обеспечивать гибкое управление процессами информационной безопасности на государственном, региональном, отраслевом, производственном и пользовательских уровнях.

Масштабность, сложность и разнообразие перечисленных функций требуют создания иерархической организационной структуры, обеспечивающей координацию деятельности всех составляющих системы информационной безопасности.

Библиографический список:

1. Закон Республики Узбекистан «Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Узбекистан» 29.08.1997. N 467-I

2. Алимов Р.М. Система обеспечения информационной безопасности // «Проблемы и решения в использовании информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления и образования»- материалы республиканской научно-практической конференции Т.: ТГЮУ, 2017. С.287-291

3. Ураков Л.А. Новые информационные технологии в задачах обеспечения национальной

безопасности РУз: Монография. -Т.: “AL-FABA SERVIS”, 2003. - С. 244

4. Мухаммадиев Ж.У. Цели и задачи обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан// «Проблемы и решения в использовании информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления и образования»- материалы республиканской научно-практической конференции- Т.: ТГЮУ, 2017. С.80-82

5. Pipkin D. Information security: Protecting the global enterprise. New York : Hewlett-Packard Company, 2000.

6. Spagnoletti P., Resca A. The duality of Information Security Management: fighting against predictable and unpredictable threats // Journal of Information System Security. 2008, 4 (3). P. 46-62.

Мухаммадиев Жаббор Уракович

Национальный Университет Узбекистана, профессор кафедры
«Прикладная математика и компьютерный анализ».

Mukhammadiev Jabbor Urakovich

National University of Uzbekistan, professor of the department
"Applied mathematics and computer analysis".

E-mail: jabbor-1963@mail.ru

Салаев Алишер Куралбаевич

Национальный Университет Узбекистана, магистр кафедры
«Информационной безопасности».

Salaev Alisher Kuralbaevich

National University of Uzbekistan, master of the department
of "Information Security".

УДК 34

**ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА****FEATURES OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN VARIOUS SPHERES OF LIFE
ACTIVITIES OF THE STATE AND SOCIETY**

Аннотация. Вопросы обеспечения информационной безопасности государства неразрывно связаны с политическими, экономическими и правовыми гарантиями реализации свободы слова и самовыражения в международном информационном пространстве. В процессе обеспечения информационной безопасности первостепенное значение приобретает устойчивое развитие информационной инфраструктуры гражданского общества и индустрии производства массовой информации.

Abstract. In the international media space the issues of ensuring information security of the state is inseparably interrelated with the political, economic and legal guarantees for exercising freedom of speech and expression. Media industry and sustainable development of information infrastructure of civil society becomes prima priority for state information security.

Ключевые слова: информационная безопасность, средства массовой информации, медиа безопасность, информационные технологии, информационное право.

Key words: information security, mass media, media security, information technologies, media law.

Информационная сфера сегодня становится системообразующим фактором всех реальных сфер деятельности общества, в значительной мере определяет и эффективно влияет на состояние других составляющих национальной безопасности являясь в тоже время ее самостоятельной составляющей, роль и значение которой с каждым годом неуклонно растет.

Цели и задачи обеспечения информационной безопасности, являются общими для различных сфер деятельности государства. Вместе с тем, в каждой из этих сфер имеются свои особенности обеспечения информационной безопасности, что в первую очередь связано со спецификой решения поставленных задач, наличием свойственных каждой области слабых элементов и уязвимых звеньев[3,6].

Именно в связи с этим, в каждой сфере деятельности государства требуется специальная организация работ, использование форм и способов обеспечения информационной безопасности с учетом специфических факторов, влияющих на ее состояние.

Наиболее серьезной опасности в политической сфере подвергаются: общественное сознание и политическая ориентация различных групп населения, непрерывно формируемые под воздействием отечественных и зарубежных средств массовой информации (печать, радио, телевидение, общедоступные информационные сети); система принятия политических решений, существенно зависящая от качества, достоверности и своевременности ее информационного обеспечения; права и законоохраняемые интересы граждан и общественных объединений на закрепленное в Конституции Республики Узбекистан свободное выражение своих программ, социально-политической и экономической ориентации через средства массовой информации; система регулярного

информирования населения органами государственного управления о политической и социально-экономической жизни, экологической ситуации через средства массовой информации; система формирования общественного мнения, включающая специальные институты, центры и службы выявления, изучения и анализа общественного мнения; пресс-центры, центры общественных связей, масс-медиа центры, Интернет провайдеры и т.д. [1,2].

Для демократического развития Республики Узбекистан наибольшую опасность представляют следующие угрозы: односторонняя политическая ориентация средств массовой; пропагандистское и психологическое воздействие на политическую ориентацию населения зарубежных и местных средств массовой информации в интересах отдельных политических сил; несовершенство правовых механизмов, обязывающих органы госуправления регулярно и полно информировать население о своей деятельности и состоянии дел в сфере своей компетентности.

Основными мероприятиями обеспечения информационной безопасности в политической сфере являются: разработка и постоянное совершенствование законодательства, правовых и организационных механизмов, регулирующих взаимоотношения всех субъектов политической жизни в реализации их конституционных прав и обязанностей при использовании средств массовой информации; создание системы независимого и гласного контроля над деятельностью средств массовой информации, институтов, центров и служб изучения общественного мнения, а также специальных служб по связи с населением; активизация контрпропагандистской деятельности и дипломатических усилий по предотвращению инициирования информационных поводов для вмешательства во внутренние дела Республики Узбекистан[1,2].

Объектами информационной безопасности в гуманитарной сфере являются мировоззрение людей, их жизненные ценности и идеалы, социальные и личностные ориентации, их культурные и эстетические позиции. Оценка последствий тех или иных информационных воздействий в этой сфере весьма затруднительна и должна производиться с учетом реально складывающейся обстановки[1,2].

Сфера духовной жизни человека чувствительна к информационно-пропагандистскому воздействию, идеологическому давлению, культурной экспансии, которые осуществляются, главным образом, через средства массовой информации и могут рассматриваться, как информационные угрозы духовному здоровью населения Республики Узбекистан[1].

Сами информационные воздействия осуществляются в гибких, постоянно изменяющихся формах, что обуславливает сложность определения их влияния на различные составляющие гуманитарной сферы. Это особенно характерно для современного периода развития узбекской государственности, когда по существу, не сформулированы национальные приоритеты и государственная идеология.

Предотвращение и нейтрализация угроз информационной безопасности в сфере гуманитарной жизни требуют, прежде всего, открытого провозглашения официальной государственной идеологии, приемлемой для большинства населения и учитывающей культурные и исторические традиции узбекского народа. Лишь на основе такой идеологии могут быть выработаны четкие критерии оценки угроз информационной безопасности, основные приоритеты и государственная политика в этой сфере.

Главным представляется разработка и осуществление цивилизованных, демократических форм и методов воздействия на средства массовой информации в целях формирования и распространения духовных ценностей, отвечающих национальным интересам, воспитания гражданского и патриотического долга и защиты от враждебной или недружественной пропаганды.

Необходимы также специальные правовые и организационные мероприятия, препятствующие коммерциализации культуры и обеспечивающие сохранение и развитие информационных ресурсов, составляющих культурно-историческую ценность.

Основным носителем духовных ценностей является личность, постоянно испытывающая информационные воздействия, направленные на формирование ее отношения к действительности, идеалов и устремлений, мотиваций и уровня притязаний. Эти воздействия могут создавать эмоциональный дискомфорт, вызывать стрессы и нарушать физическую, социальную или духовную целостность личности.

Обеспечение информационной безопасности личности означает реализацию ее прав на получение объективной информации и предполагает ее использование в целях свободного формирования и развития личностных и мировоззренческих качеств. В качестве деструктивного воздействия на личностную сферу может выступать: целенаправленное информационное давление с

целью изменения мировоззрения, политических взглядов и морально-психологического состояния людей; распространение недостоверной, искаженной, неполной информации; использование неадекватного восприятия людьми достоверной информации.

Особую роль в воздействии на сознание и поведение отдельной личности играют средства массовой информации, которые в силу своей общедоступности и распространенности оказывают непосредственное влияние на мировоззренческие установки, субъективные ценности и предпочтения, регуляцию поступков и взаимодействие с другими людьми.

При организации противодействия угрозам информационной безопасности личности необходимо учитывать индивидуальные и личностные особенности людей, сформированные предыдущим опытом, мотивами и интересами, интеллектуальным уровнем, социально-демографическими характеристиками, социальным статусом, стереотипами и другими факторами.

Выбор адекватных способов воздействия (убеждения, внушения, разъяснения), адекватных средств (аудио-, визуальных, электронных, печатных) зависят от полноты учета всех характеристик человека и ситуации. Одним из важнейших способов противодействия является упреждающее информационное воздействие.

Устойчивость к воздействиям извне определяется личностными качествами человека, которые во многом определяются постоянными информационными воздействиями, главным образом со стороны средств массовой информации. Они несут основную ответственность за формирование личностных и гражданских качеств, способных противостоять информационным угрозам. Особенно это важно в настоящее время, когда в обществе проявляются низкий уровень правосознания, непонимание людьми ценности информации.

Информационные угрозы, вызывающие сознательные или непреднамеренные нарушения информационной безопасности лиц, работающих в информационных системах и средствах массовой информации, должны парироваться посредством разъяснения их прав, регламентации обязанностей и разделения ответственности, обучения и тренинга персонала, а в особо важных случаях - путем отбора специалистов по психологическим критериям[5].

Среди объектов сферы экономики наиболее подвержены воздействию угроз информационной безопасности: система государственной статистики; источники, порождающие информацию о коммерческой деятельности хозяйственных субъектов всех форм собственности, о потребительских свойствах товаров и услуг; системы сбора и обработки финансовой, биржевой, налоговой, таможенной информации, информации о внешнеэкономической деятельности государства и коммерческих структур.

Система государственной статистической отчетности должна обладать достаточной защищенностью от серьезных и массовых искажений. Особое внимание должно уделяться защите первичных источников информации и обобщенных отчетных данных[4,5].

В конечном итоге информация в системе государственной статистики должна обладать полнотой, достоверностью, достаточностью, сопоставимостью и регулярностью - свойствами, необходимыми для принятия рациональных решений на уровнях государства, отрасли, предприятия, для проведения общеэкономического анализа и прогнозирования развития народного хозяйства.

Нормальное функционирование хозяйственных объектов нарушается из-за отсутствия нормативно-правовых положений, определяющих ответственность источников информации о коммерческой деятельности и потребительских свойствах товаров и услуг за недостоверность и сокрытие сведений (о результатах реальной хозяйственной деятельности, об инвестициях и др.). С другой стороны, существенный экономический ущерб может быть нанесен государственным и предпринимательским структурам вследствие разглашения информации, содержащей коммерческую тайну.

В системах сбора и обработки финансовой, налоговой, таможенной информации наибольшую опасность, с точки зрения информационной безопасности, представляют хищения и преднамеренное искажение информации, возможность которых связана с преднамеренным или случайным нарушением технологии работы с информацией, несанкционированным доступом к ней, что обусловлено недостаточными мерами защиты информации. Такая же опасность существует в органах, занятых формированием и распространением информации о внешнеэкономической деятельности (центральный аппарат ведомств, торгпредства, таможни и т.п.).

Серьезную опасность для нормального функционирования сферы экономики в целом представляют все более изощренные компьютерные преступления (подлоги, хищения и т.д.),

связанные с проникновением криминальных элементов в компьютерные системы и сети.

Наряду с широким использованием стандартных методов и средств, для сферы экономики приоритетными направлениями обеспечения информационной безопасности являются: разработка и принятие правовых положений, устанавливающих ответственность юридических и физических лиц за несанкционированный доступ и хищение информации, преднамеренное распространение недостоверной информации, разглашение коммерческой тайны, утечку конфиденциальной информации; коренная перестройка системы государственной статистической отчетности, направленная на повышение достоверности, полноты, сопоставимости и защищенности информации путем введения строгой юридической ответственности первичных источников информации, организации действенного контроля за их деятельностью и деятельностью служб обработки и анализа статистической информации, ограничения ее коммерциализации, использования специальных организационных и программно-технических средств защиты информации; создание и совершенствование специальных средств защиты финансовой и коммерческой информации; разработка комплекса организационно-технических мероприятий по совершенствованию технологии информационной деятельности и защиты информации в хозяйственных, финансовых, промышленных и других экономических структурах с учетом специфических для сферы экономики требований информационной безопасности; совершенствование системы профессионального отбора и подготовки персонала систем сбора, обработки, анализа и распространения экономической информации; неразвитость систем внешних транспортных, информационных и научно-технических коммуникаций[1,2].

К объектам информационной безопасности в военной сфере, наиболее уязвимым со стороны всего комплекса угроз, относятся:

информационные ресурсы аппарата Министерства обороны, Генерального штаба Вооруженных сил и родов войск, научно-исследовательских учреждений, содержащие сведения и данные об оперативных и стратегических планах подготовки и ведения боевых действий, о составе и дислокации войск, о мобилизационной готовности, тактико-технических характеристик вооружения и военной техники; информационные ресурсы предприятий оборонного комплекса, содержащие сведения и данные об их научно-техническом и производственном потенциалах, об объемах поставок и запасах стратегических видов сырья и материалов, об основных направлениях развития вооружения, военной техники, их боевых возможностях и проводимых в интересах обороны фундаментальных и прикладных НИР; системы связи и управления войсками и оружием, их информационное обеспечение; политико-моральное состояние войск в части, зависящей от информационно-пропагандистского воздействия; информационная инфраструктура, в том числе центры обработки и анализа информации Генерального штаба и информационные подразделения штабов видов Вооруженных Сил, штабов объединений и соединений видов Вооруженных Сил и родов войск, пункты управления, узлы и линии радио-, радиорелейной, тропосферной и спутниковой связи, а также линии проводной связи, развертываемые и арендуемые Министерством обороны и другими силовыми структурами[1].

Из внешних источников угроз в наибольшей степени способны воздействовать на информационную безопасность объектов военной сферы следующие: все виды разведывательной деятельности зарубежных государств; информационно-технические воздействия (методы радиоэлектронной борьбы, проникновение в компьютерные сети и т.п.) со стороны вероятных противников; психологические операции вероятных противников, осуществляемые специальными методами и через деятельность средств массовой информации; деятельность иностранных политических и экономических структур, направленная против интересов Республики Узбекистан в военной сфере.

Из внутренних источников угроз наибольшую опасность представляют: нарушение установленных регламентов сбора, обработки и передачи информации в штабах и учреждениях Министерства обороны, в организациях и на предприятиях оборонного комплекса; преднамеренные действия и непреднамеренные ошибки персонала информационных систем специального назначения; отказы технических средств и сбои программного обеспечения в информационных и телекоммуникационных системах специального назначения; информационно-пропагандистская деятельность организаций и отдельных лиц, направленная против интересов государства, подрывающая престиж вооруженных сил и их боеготовность.

Эти источники угроз представляют особую опасность в условиях обострения военно-

политической обстановки.

Главными направлениями совершенствования информационной безопасности в военной сфере являются: концептуальное, включающее структуризацию целей обеспечения информационной безопасности в оборонной сфере, вытекающих из них практических задач, корректное определение информационных угроз и их источников; техническое, характеризуемое постоянным совершенствованием средств защиты информационных ресурсов от методов и средств несанкционированного доступа к ним, развитием защищенных, засекреченных систем связи и управления войсками и оружием, повышение надежности специального программного обеспечения; организационное, связанное с необходимостью формирования оптимальной структуры и состава функциональных органов системы информационной безопасности в военной сфере и координации их эффективного взаимодействия, совершенствование приемов и способов стратегической и оперативной маскировки, разведки и радиоэлектронной борьбы, методов и средств активного противодействия информационно-пропагандистским и психологическим операциям вероятного противника[1].

Кроме того, одним из главных направлений совершенствования информационной безопасности в оборонной сфере является повышение эффективности защиты технологий производства и тактико-технических характеристик вооружения и военной техники.

Библиографический список:

1. Закон Республики Узбекистан «О концепции национальный безопасности Республики Узбекистан». 29.08.1997. N 467-I.

2. Закон Республики Узбекистан «О принципах и гарантиях свободы информации» 12.12.2002. N 439-II.

3. Мухаммадиев Ж.У. Цель, структура, принципы, методы и задачи правового обеспечения информационной безопасности. - Т.: ТДЮИ, 2009. С.78-81.

4. Ураков Л.А. Информационная безопасность: новые угрозы мировому сообществу.-Т.: VCU MCV, 2001. С. 112-124.

5. Алимов Р.М. Система обеспечения информационной безопасности// «Проблемы и решения в использовании информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления и образования»- материалы республиканской научно-практической конференции.- Т.,ТГЮУ, 2017. С. 287-291.

6. Мухаммадиев Ж.У. Цели и задачи обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан// «Проблемы и решения в использовании информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления и образования»- материалы республиканской научно-практической конференции.-Т.,ТГЮУ, 2017. С. 80-82.

Кириловский Владимир Александрович
Kirilovsky Vladimir Alexandrovich

Юрист группы компаний «СИТИФЭЙС», г. Новосибирск

E-mail: aval-nsk@yandex.ru

УДК 347.9

ГАРАНТИЙНЫЕ СРОКИ И СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ДОГОВОРАМ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

WARRANTY TERMS AND DURABILITIES DURING CONTRACT CONTRACT AGREEMENTS

Аннотация: Автор статьи обращает внимание на пробелы в законодательстве в части, касающейся подробного регулирования применения на практике сроков гарантии и исковой давности.

Annotation: The author of the article draws attention to the gaps in the legislation in terms of detailed regulation of the application in practice of the warranty period and limitation period.

Ключевые слова: гарантийный срок, срок исковой давности, строительные работы.

Keywords: warranty period, limitation period, construction works.

Одна из самых распространенных форм взаимодействия между организациями в строительстве является договор строительного подряда, согласно которому подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену (п. 1 ст. 740 ГК РФ).

Учитывая все многообразие видов строительных материалов, развитие инженерных и технологических систем по обеспечению жизнедеятельности объектов строительства, заказчик, безусловно, заинтересован в качестве результата работ подрядчика и наличии возможности оперативного и своевременного устранения тех недостатков, которые возникают в процессе эксплуатации объекта строительства. В связи с этим в договорах строительного подряда в большинстве случаев есть целые разделы, устанавливающие гарантийные сроки и обязательства сторон по выявлению, фиксации и устранению обнаруженных дефектов. Предельно четкая и подробная регламентация данного раздела договора – залог своевременного и оперативного взаимодействия сторон, результатом которого окажется бесперебойное функционирование объекта строительства, защита прав и интересов собственников помещений, поддержание авторитета заказчика/подрядчика на строительном рынке.

Гарантийный срок – это тот отрезок времени, который отводится потребителю для предъявления претензий по купленной продукции, при условии обнаружения в ней ненадлежащего качества.

В соответствии с п. 1. ст. 755 ГК РФ подрядчик, если иное не предусмотрено договором строительного подряда, гарантирует достижение объектом строительства указанных в технической документации показателей и возможность эксплуатации объекта в соответствии с договором строительного подряда на протяжении гарантийного срока. Установленный законом гарантийный срок может быть увеличен соглашением сторон.

На практике стороны при заключении договора строительного подряда в части, касающейся срока гарантии, руководствуются положением п. 5 ст. 7 Федерального закона от 30.12.2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», согласно которому гарантийный срок для объекта долевого строительства, за исключением технологического и инженерного оборудования, входящего в состав такого объекта долевого строительства, устанавливается договором и не может составлять менее чем пять лет.

На основании такого прямого указания законом заказчик строительства заключает договор строительного подряда с генподрядчиком с условием о гарантийном сроке 5 лет. Генподрядчик транслирует это условие в договоры со всеми подрядчиками и субподрядчиками. С одной стороны, все логично и согласно закону. Однако возникает ряд трудностей, преодолеть которые возможно

либо с помощью судебной практики (еще пока, увы, неоднозначно сложившейся), либо благодаря разумности и адекватности участников договорных отношений, которые относятся к своему делу не только формально, но и с учетом реалий в сфере строительства.

Речь, прежде всего, идет об объектах строительства, которые возводятся без договоров о долевом участии, например, бизнес-центр, торговый центр и подобные сооружения, то есть нежилые.

Согласно п. 3 ст.1 Федерального закона от 30.12.2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» действие настоящего Федерального закона не распространяется на отношения юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей, связанные с инвестиционной деятельностью по строительству (созданию) объектов недвижимости (в том числе многоквартирных домов) и не основанные на договоре участия в долевом строительстве.

Согласно ч. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Опираясь на принципы гражданского права, стороны в договорных отношениях должны соблюдать равноправие, справедливость и добросовестность.

Исходя из вышеприведенных норм закона, следует, что в таком случае стороны свободны в регулировании сроков гарантии на результат работ и могут устанавливать их с учетом специфики выполняемых работ, объекта строительства и условий его эксплуатации. Но на практике заказчики настаивают на гарантийном сроке в пять лет даже на таких объектах строительства, аргументируя свои требования аналогией закона. При этом так же исчисляют начало гарантийного срока с момента ввода объекта в эксплуатацию, а не с момента подписания окончательного акта приемки работ. В этом видится пробел в законодательстве, поскольку гарантийный срок на результат любых работ в строительном подряде в пять лет на нежилых объектах не обоснован и не учитывает специфики этих работ. Так, например, малярные работы, отделочные работы, работы по монтажу окон ПВХ. Применение пятилетнего срока гарантии к результату этих видов работ нельзя назвать обоснованным и рациональным.

К примеру, производитель изделий из ПВХ используется листовое стекло для изготовления стеклопакета. Завод-изготовитель листового стекла дает гарантию на стекло не более 1 года и это при условии соблюдения всех правил перевозки, хранения и обработки стекла. Производитель окон из ПВХ на свое изделие уже должен дать гарантийный срок 5 лет, если он становится участником договора подряда – подрядчиком, субподрядчиком. Выходит, что этот подрядчик/субподрядчик берет на себя необоснованный риск и связанные с этим убытки в виде непрерывных затрат на проведение сервисных работ в течение всего гарантийного срока. При этом предъявить требования заводу-изготовителю о качестве листового стекла, спустя год после получения товара, он уже не вправе. Следует, что бремя расходов по устранению дефектов в последующие годы гарантийного срока лежат на подрядчике. Такая же ситуация и с фурнитурой и иными комплектующими.

Необходимо более подробное регулирование этого момента на законодательном уровне с применением опыта научной деятельности и экспертных решений, когда возможно разделение всех строительных работ на категории или группы и применение к каждой по отдельности своих гарантийных сроков. Это новшество могло бы устранить массу споров, вызванных пробелом в этой части.

Судебная практика разрешения споров, касающихся гарантийного срока в строительстве, имеется. Однако надо отметить, что данная практика необширная, и суды рассматривают этот вопрос косвенно и через призму иной категории сроков – сроков исковой давности.

Согласно ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

В соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 ГК РФ.

Пункт 1 ст. 197 ГК РФ устанавливает, что для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком.

Согласно п. 1 ст. 725 ГК РФ срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, составляет один год, а в отношении зданий и сооружений определяется по правилам статьи 196 ГК РФ.

В данном вопросе судебная практика противоречива. Так, в частности, Постановлением ФАС Дальневосточного округа № Ф03-6597/2013 от 27.01.2014 г. по делу № А51-23012/2013 установлено, что исходя из ч. 1 ст. 725 ГК РФ, применение общего или специального срока исковой давности зависит от вида подрядных работ. Давность в три года в отношении зданий и сооружений применяется, если объектом подряда были работы по возведению, реконструкции или ремонту зданий и сооружений, а сокращенный срок исковой давности применим, если подрядные работы были лишь внешне связаны с названным объектом (остекление, малярные или аналогичные работы).

Таким образом, суд разграничивает виды работ, связанные со строительством, и в соответствии с этим, принимает специальные или общие сроки исковой давности. Надо отметить, что этот способ является логичным и целесообразным по отношению ко всем участникам договорных обязательств.

Однако имеется и иная точка зрения, изложенная ВАС РФ.

Так, в частности, постановлением Президиума ВАС РФ №7381/13 от 05.11.2013 г. по делу № А05-823/2012 установлено, что работы по устройству наливных полов носят капитальный характер, и п.1. ст. 725 ГК РФ прямо предусмотрено применение общего срока исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с ненадлежащим качеством работы в отношении зданий и сооружений. Таким образом, ВАС РФ не предусматривает разграничения видов работ в строительстве для применения специального или общего сроков исковой давности. Исходя из логики рассуждений ВАС РФ, следует, что все требования по ненадлежащему качеству, связанные с работами в отношении зданий и сооружений, попадают под общий срок исковой давности, то есть три года. Более того, указанным постановлением ВАС РФ вводит понятие «капитального характера» работ, но не дает ему толкования или четкого определения. Какие именно работы можно отнести к капитальному характеру, а какие нет?

Как видно, судебная практика порой не дает четкого понятия или определения и разъяснения в той или иной ситуации, а иногда даже запутывает участников процесса, когда, отвечая на один вопрос, создает почву еще для нескольких.

На сегодняшний день единственным и, пожалуй, самым оправданным способом разрешения ситуаций по поводу гарантийного срока остается хорошо отработанный и согласованный договор подряда. Соглашусь с тем, что в большинстве случаев заказчик/генподрядчик являются сильной стороной в договорных отношениях, не взирая на принципы гражданского права о равноправии сторон и справедливости условий, и подрядчикам становится очень сложно выстраивать свою линию защиты своих прав и интересов по договору. Сейчас не всегда получается снизить гарантийный срок на результат своей работы. Тем не менее набор инструментов для этого есть.

Во-первых, рекомендуется всегда составлять протокол разногласий к тому или иному договору. Данный протокол, а также все документы, свидетельствующие о его составлении, рассмотрении и направлении другой стороне, станут, например, хорошим доказательством в судебном процессе по делам о признании сделки (части сделки) недействительной. В силу п. 2 ст. 428 ГК РФ присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Согласно абз. 2 п. 9 Постановления ВАС РФ № 16 от 14.03.2014 г. «О свободе договора и ее пределах» в тех случаях, когда будет установлено, что при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента. Слабая сторона договора вправе заявить о недопустимости применения несправедливых договорных условий на основании ст. 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий в соответствии со ст. 169 ГК РФ.

Во-вторых, рекомендуется тщательным и подробным образом изложить действия сторон при обнаружении недостатков в гарантийный период. Как показывает практика, заказчики охотно идут на подробную регламентацию этого раздела, учитывая, что и интересы заказчика в данном вопросе тоже становятся понятными и защищенными. Однако сами же заказчики первыми нарушают весь порядок действий при обнаружении дефектов в гарантийный период. Так, в частности, не уведомляют подрядчика об обнаруженных недостатках; самостоятельно проводят осмотр и составляют односторонний акт без представителя подрядчика; самостоятельно или с привлечением третьего лица устраняют обнаруженные недостатки, не предоставив такую возможность подрядчику; самоустраиваются от согласованного в договоре регламента действий, предоставляя иным участникам (управляющая компания, жильцы) взаимодействовать с подрядчиком. Данные нарушения со стороны заказчика будут только «на руку» подрядчику при оспаривании действий (бездействий) подрядчика в судебном порядке. Подробная схема действий участников договорных отношений в части гарантийных обязательств станет надежной страховкой на протяжении всего гарантийного срока.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ ((ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.07.2019) ((с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019)//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018, с изм. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018)//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).
3. Федеральный закон от 30.12.2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.06.2019) //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).
4. Постановление ВАС РФ № 16 от 14.03.2014 г. «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).
5. Постановление Президиума ВАС РФ №7381/13 от 05.11.2013 г. по делу № А05-823/2012 [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).
6. Постановление ФАС Дальневосточного округа № Ф03-6597/2013 от 27.01.2014 г. по делу № А51-23012/2013[Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 15.08.2019 г.).

Мирная Анна Андреевна
Mirnaya Anna Andreevna
Юрисконсульт ООО «ЛАДА»

УДК 342.9

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

BASES AND CONDITIONS OF APPLICATION OF RESPONSIBILITY FOR CAUSING INJURY OF INTANGIBLE CHARACTER

Аннотация: в указанной статье раскрываются основания и условия ответственности за причинение нематериального вреда. Для того, чтобы наступила гражданско-правовая ответственность в результате нарушения нематериальных благ и неимущественных прав, нужно наличие всего состава гражданского правонарушения.

Abstract: in this article, the grounds and conditions of liability for causing non-material damage are disclosed. In order for civil liability to arise as a result of a violation of intangible goods and non-property rights, the entire corpus delicti must be present.

Ключевые слова: деликтное правоотношение, гражданско-правовая ответственность, нематериальный вред, неимущественные права, доказывание.

Keywords: tort relationship, civil liability, non-material damage, non-property rights, proof.

По отношению к защите прав неимущественного характера гражданско-правовая ответственность представляет собой как средство, так и способ защиты нарушенных прав, а также одним из способов восстановления прав, которые были нарушены. Рассмотрим основания гражданско-правовой ответственности.

Такое понятие, как «компенсация морального вреда», считается способом защиты гражданских прав, мерой материально-правового принуждения, которая осуществляется при помощи воздействия на субъект, который нарушил неимущественные права, с целью компенсации убытков, вызванные указанным нарушением.

Компенсация морального вреда считается видом гражданско-правовой ответственности, а именно, формой имущественных лишений лица, которое нарушило неимущественные права. «Если законом предусмотрена возможность компенсации морального вреда, потерпевшим не требуется доказывать его наличие, необходимо представить доказательства наличия иных условий наступления гражданско-правовой ответственности, нарушения нематериальных благ личности».[6]

Общие условия гражданско-правовой ответственности включают в себя следующее:

- действие либо бездействие виновного лица (противоправный характер поведения)
- вред нематериального характера;
- причинно-следственная связь между противоправным поведением нарушителя и наступившими последствиями;
- вина нарушителя.

Вышеперечисленные условия гражданско-правовой ответственности являются составом правонарушения. В состав гражданского правонарушения входят следующие элементы:

- объект;
- объективная сторона;
- субъект;
- субъективная сторона.

Противоправность поведения нарушителя, который привлекается к гражданско-правовой ответственности, является предпосылкой ее применения. Неправомерное поведение причинителя вреда представляет собой поведение, которое нарушает нормы законодательства. Вместе с тем, отступление от гражданского законодательства не всегда является противоправным. Противоправным отступление становится в случае прямого нарушения запретов либо обязательных правил поведения.

Что касается неимущественных прав, которые носят абсолютный характер, поведение нарушителя всегда будет неправомерным, так как право одного субъекта всегда будет корреспондировать обязанности другого субъекта не нарушать данные права.

В гражданском законодательстве предусмотрено восстановление нарушенных прав в случае ограничения, отсутствия либо невозможности определения в разумные сроки истинных источников возмещения вреда. Государство берет на себя обязанность компенсировать причиненный вред, действуя при этом в публичных интересах для того, чтобы поддержать социальное спокойствие. «В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации».[1]

Помимо вышеуказанного, в состав гражданского правонарушения входит нематериальный вред. Он представляет собой физические либо нравственные страдания, либо переживания гражданина, которые возникли в результате гражданского правонарушения. «Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий».[2]

Наличие причинно-следственной связи между правонарушением и наступившими последствиями в виде вреда нематериального характера также является элементом состава гражданского правонарушения. «Категория "нематериальный вред" может быть предложена в качестве комплексного понятия, объединяющего все случаи причинения вреда, связанные с наступлением неблагоприятных последствий нематериального характера, которые не поддаются точному исчислению, являются отрицательными и существенными для потерпевшего, а также привели или могут привести к возникновению убытков».[4]

Обязанность по доказыванию наличия вреда, наступившего вследствие правонарушения, и причинно-следственной связи лежит на субъекте, которому причинили вред (потерпевшая сторона). Нематериальный вред может быть причинен как действиями, так и бездействием. Противоправное поведение нарушителя должно быть причиной наступившего нематериального вреда, а также условием его причинения.

В состав гражданского правонарушения также входит еще один элемент – вина. Данное понятие представляет собой отношение нарушителя к неправомерному поведению, а также наступившим последствиям. Другими словами, вина - это субъективное психическое отношение лица, которое причинило вред, к личному поведению, а также наступившим последствиям, которые связаны с осознанием допустимости предотвращения таких последствий. «Отношение причинителя морального вреда к самому вреду и его последствиям имеет существенное значение для определения размера компенсации причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий».[5]

Степень вины нарушителя прав определяется особенностью вреда. Исходя из того, что компенсация не представляет собой возмещение убытков, а смягчает последствия, которые были причинены нарушителем неимущественным правам потерпевшей стороны, то ее отношение к содеянному является важным психологическим моментом.

Статья 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации является специальной, а также требует учета степени вины лица, нарушившего право, в том случае, когда вина представляет собой основание возмещения вреда. Однако в случае данного примера суд, устанавливая размер компенсации морального вреда, выберет сам факт распространения непроверенных сведений. Исходя из вышеизложенного, в гражданском законодательстве была сделана оговорка в специальной норме в отношении степени вины нарушителя в случае, когда вина представляет собой основание для возмещения вреда, так как моральный вред как особая категория требует конкретного подхода, и потому степень вины нарушителя требует подробного изучения. Сюда же входит и его психологическое отношение к содеянному, а также его материальное положение.

Исходя из гражданского законодательства, гражданин признается невиновным, в случае если он принял все меры для того, чтобы надлежащим образом исполнить обязательства.

Причинитель вреда остается виновным в возникновении вреда нематериального характера до того момента, пока не докажет, что он принял все меры по его устранению. Помимо этого

гражданское законодательство предусматривает наступление ответственности без учета вины по отношению к посягательствам на нематериальные блага, а также права неимущественного характера.

«Привлечение того или иного лица к гражданско-правовой ответственности способствует не только предупреждению повторения возможных нарушений этим лицом, но и предупреждению правонарушений со стороны иных лиц, стимулирует (поощряет) позитивное (надлежащее) поведение участников гражданско-правовых отношений».[3]

Таким образом, для того, чтобы наступила гражданско-правовая ответственности за нарушение нематериальных, а также неимущественных прав, должно быть наличие всех элементов состава правонарушения гражданского законодательства, а именно:

1) по отношению к нематериальным благам, а также неимущественным правам противоправное поведение нарушителя прав заключается в абсолютном характере прав, которые подлежат защите;

2) вред нематериального характера, то есть физические либо нравственные страдания, переживания гражданина, которые вызваны нарушением прав граждан. Нематериальный вред – необходимый элемент состава правонарушения в области гражданского законодательства;

3) в случае причинения потерпевшей стороне вреда нематериального характера нужно наличие причинно-следственной связи. Её отсутствие является основанием для освобождения нарушителя от ответственности;

4) вина в случае причинения вреда субъекту представляет собой обязанность доказывания причинителем вреда принятых мер для предотвращения негативных последствий поведения этого лица.

Библиографический список:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС Консультант Плюс.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда"// СПС Консультант Плюс.

3. Андреев, Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты / Ю. Н. Андреев. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2013. — 384 с.

4. Гаврилов Е.В. Компенсация морального (нематериального) вреда, причиненного юридическим лицам органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами: обзор судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2011. N 4. С. 32 - 50.

5. Колиева, А. Э. Проблемы возмещения морального вреда по законодательству Российской Федерации: монография / А. Э. Колиева. — Владикавказ: Владикавказский институт управления, 2012. — 162 с.

6. Моисеева О.В. Проблемы компенсации морального вреда // Российский судья. 2019. N 6. С. 26 - 29.

Железнова Диана Владимировна
ФГБОУ ВО "ТГУ"

Лапшина Ольга Сергеевна
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО "ТГУ"

Zheleznova Diana Vladimirovna
TSU

Olga Lapshina
PhD, associate Professor of the Department of civil law and process OF TSU"

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В УСТУПКЕ ПРАВА ТРЕБОВАНИЙ (ЦЕССИИ)

PROBLEMS OF CURRENT INTERNATIONAL LAW AND THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ASSIGNMENT OF THE RIGHT TO CLAIM

Аннотация: В работе рассмотрены проблемы допустимости уступки права требований, нормы закона правила об уступке требования; проведен анализ судебной практики.

Abstract: the paper deals with the problems of admissibility of assignment of the right of claims, the rules of the law of the rule on assignment of a claim; the analysis of judicial practice is carried out.

Ключевые слова: Договор уступки прав требования, цессия, законодательство, право.

Keywords: assignment agreement, assignment, legislation, law.

На сегодняшний день в существующем рыночном обороте, когда товарно-денежные отношения достигли высочайшего уровня своего развития, переуступка права требования (так называемая цессия) кажется чем-то само собой разумеющимся. Право требования в наши дни - подобно движимому и недвижимому имуществу - рассматривается как самостоятельный имущественный объект.

С 01 июня 2018 года вступили в силу новые нормы Гражданского кодекса, которые регулируют договор цессии.

Актуальными проблемами уступки права требования в современном российском гражданском праве занимались такие ученые как М.К. Белобабченко, Д.В. Бондаренко, Д.В. Добрачев, Г.Э. Маилян, Е.А. Рыжковская, Ю.М. Слепцов и другие. Решение поставленных задач осуществлялось с помощью диалектического метода и основанных на нем современных общенаучных и частнонаучных методов и методик познания. При этом использовались не только научно-научные, но и общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция.

Законодательство закрепляет общий принцип свободы оборота обязательственных прав: они могут быть переданы третьим лицам на основании сделки уступки. Допускается одно абсолютное препятствие для совершения перехода обязательственного права в результате уступки - противоречие закону. Поскольку законодательные запреты уступки, как правило, устанавливаются в интересах третьих лиц (должника или иных субъектов), то цессия, нарушающая такой запрет, будет ничтожной сделкой [п. 2 ст. 168 ГК РФ]. Если цессия не запрещена законом, а необходимо получить лишь согласие должника (например, по п. 4 комментируемой статьи), при отсутствии такого согласия уступка в силу ст. 173.1 ГК РФ будет оспоримой и может быть признана недействительной, если будет доказано, что цессионарий знал или должен был знать о необходимости получения согласия должника и о его отсутствии.

Если уступка запрещена законом или обусловлена согласием должника, то эти ограничения, видимо, должны действовать и при обращении взыскания на соответствующее право по требованиям третьих лиц. Этот вывод справедлив, если исходить из того, что обращение взыскания влечет переход права не в силу закона, а в силу сделки по отчуждению права, совершаемой от имени кредитора уполномоченными органами. Соответственно, если, например, право было тесно связано с личностью кредитора и не могло быть уступлено третьим лицам без согласия должника, вряд ли такое отчуждение права во всех случаях возможно при обращении на него взыскания. В то же время многое зависит, видимо, от цели введения соответствующего запрета и баланса интересов сторон.

Если из телеологического толкования следует, что цель нормы состояла в ограничении распоряжения правом по произвольному усмотрению кредитора, и интерес должника в сохранении кредитора уступает интересам третьих лиц, имеющих притязания к кредитору и желающих реализовать их путем обращения взыскания на имущественные права кредитора, то такое обращение взыскания допустимо и без согласия должника. Так, например, представляется, что законодательный запрет уступки прав из договора, заключение которого в силу закона возможно только в результате проведения торгов, не может ограничивать возможность обращения взыскания на такое право [комментарий к п. 7 ст. 448 ГК РФ].

Одним из наиболее острых вопросов в практике является допустимость уступки требований из кредитных договоров небанковским организациям. С одной стороны, Высший Арбитражный суд РФ (далее ВАС РФ) неоднократно высказывался в поддержку таких сделок даже в тех случаях, когда должником-заемщиком являлся гражданин-потребитель [п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120, п. 16 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. N 14]. С другой стороны, ВС РФ допускал такие сделки только в том случае, если в кредитном договоре с гражданином-потребителем содержится недвусмысленное согласие заемщика на уступку требований из договора третьим лицам [п. 51 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. N 17, Определение КГД ВС РФ от 21 апреля 2015 г. N 36-КГ15-4]. Ситуация изменилась в связи с принятием Закона о потребительском кредите, в ст. 12 которого содержится прямое разрешение на уступку требований по потребительским кредитам любым третьим лицам с сохранением у потребителя-должника всех прав, присущих его особому статусу (охрана персональных данных, соблюдение банковской тайны и т.п.). Соответственно, сделки уступки таких требований, совершенные после 1 июля 2014 г. (дата вступления Закона в силу), не могут быть поставлены под сомнение. Если цессия была совершена до этого момента, то следует учитывать различия в подходах арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Проблема допустимости уступки обсуждалась и применительно к цессии требований, которые ранее перешли к страховым компаниям в порядке суброгации. Поскольку страховщик - специальный субъект, осуществляющий лицензируемую деятельность, в практике высказывались сомнения в том, что суброгационные требования могут быть уступлены лицам, не имеющим лицензию на осуществление страховой деятельности. Однако эти сомнения безосновательны. К страховщику, выплатившему возмещение, переходят права требования в рамках деликатного обязательства. Очевидно, что для обладания такими правами и их осуществления не требуется лицензия на осуществление страховой деятельности. Соответственно, нет препятствий к их уступке страховой компанией любым третьим лицам [п. 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120].

Допустимость уступки права (требования) не ставится в зависимость от того, является ли оно беспорным [п. 8 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120]. Тот факт, что по поводу уступаемого права и его существования идет судебный спор, не означает, что такое право нельзя уступить. В равной степени не мешает уступке требования то, что предмет уступаемого права (например, размер денежной суммы) не вполне определен или может быть скорректирован судом при его взыскании с должника. В частности, то, что размер неустойки может быть снижен судом по правилам ст. 333 ГК РФ, не препятствует уступке права на взыскание такой неустойки [п. 16 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120].

Нормы закона содержат правила об уступке требования: необходимость получения согласия должника в тех случаях, когда личность кредитора имеет для должника существенное значение. Ключевым параметром здесь является выражение "существенное значение личности кредитора для должника". Очевидно, что оно имеет оценочный характер, что создает труднооценимые риски для оборота. Так, cedent и цессионарий могут вполне обоснованно предполагать, что личность кредитора не имеет существенного значения для должника, а суд в случае спора может прийти к иному выводу. К сожалению, в настоящий момент не сформировалась устойчивая практика ее применения и даже не выявлены приблизительные критерии, позволяющие определить наличие или отсутствие существенного значения личности кредитора для должника. В этих условиях многие сделки уступки требования находятся в зоне риска.

Проблема отчасти облегчается тем, что комментируемая норма сформулирована в виде исключения из общего правила. Это означает, что доказывать наличие такого исключения должен тот, в чьих интересах оно установлено, т.е. должник.

Единственным надежным способом устранения названного риска является получение согласия должника. Данное согласие может быть выражено по-разному: до совершения цессии, одновременно с ней или после нее. Равным образом согласие должника может быть как конкретным (согласие на уступку конкретного требования конкретному лицу), так и абстрактным (согласие на уступку любых требований любому цессионарию). В первом случае при совершении последующей цессии придется вновь получать согласие должника. Во втором случае абстрактное согласие действует в отношении всех цессионариев.

Так, согласие должника необходимо получить, если обязательство в конкретных обстоятельствах в существенном объеме имеет личный характер.

Модельные правила европейского частного права содержат универсальную формулировку.

Наше право традиционно исходило из того, что запрет или ограничение цессии имеет абсолютное значение, т.е. действует даже в отношении третьих лиц. На практике это приводило к тому, что уступка денежного требования, совершенная вопреки договорному запрету на уступку, оказывалась ничтожной сделкой, что отражалось на интересах как cedentа, так и цессионария. В действующем законодательстве РФ воспринят иной подход к регулированию данных отношений: уступка денежного требования действительна, такое требование переходит вопреки договорному запрету, однако cedent отвечает перед должником за нарушение договорного запрета (эта ответственность может выражаться как в убытках, так и в неустойке, а также может быть обеспечена поручительством, залогом и т.п.).

В случае уступки неденежного требования вопреки договорному запрету должник помимо права привлечь кредитора к ответственности за нарушение договора, вправе также и оспорить цессию [п. 2 ст. 382 ГК РФ].

В силу прямого указания действующего законодательства РФ нормы о цессии являются императивными, т.е. стороны договора не могут договориться о том, что в рамках их взаимоотношений договорный запрет цессии будет иметь абсолютный характер, т.е. его нарушение будет приводить к ничтожности или оспоримости уступки денежного требования.

Уступка неденежного требования допустима без согласия должника в ограниченных случаях, а именно любая сделка уступки неденежного требования должна совершаться с согласия должника, если в результате уступки исполнение для должника становится значительно более обременительным. Соответственно, с учетом оценочного характера данного критерия практически каждая уступка неденежного требования находится в зоне риска и нуждается в проверке на предмет того, не становится ли для должника исполнение обязательства значительно более обременительным (например, не повлечет ли она для должника существенные дополнительные расходы на предоставление исполнения цессионарию). Нельзя сказать, что это является изобретением российского законодателя. Аналогичное правило содержится, к примеру, в ст. 9.1.3 Принципов Международного института по унификации частного права (далее УНИДРУА).

Пункт 4 ст. 388 ГК РФ содержит еще одно важное правило: уступка неденежного требования, в отличие от денежного, может быть эффективно запрещена в соглашении между cedentом и должником. При нарушении такого договорного запрета цессия будет оспоримой сделкой, которая может быть признана недействительной лишь при доказанной недобросовестности цессионария [комментарий к п. 2 ст. 382 ГК РФ].

В Модельных правилах европейского частного права для нарушения запрета уступки неденежных требований предложено более изящное решение: право кредитора на неденежное исполнение переходит вопреки запрету, однако должнику предоставлены следующие меры защиты своих нарушенных интересов: у должника есть право предоставить неденежное исполнение cedенту даже вопреки уведомлению о цессии и освободиться, таким образом, от обязательства, а также право произвести против притязаний нового кредитора зачет, как если бы уступка не происходила. Должник также может привлечь cedента к ответственности за нарушение запрета уступки неденежного требования [п. 2-4 ст. III.-5:108 Модельных правил европейского частного права].

Проблема уступки солидарных требований не случайно привлекла внимание законодателя. Очевидно, что солидарным кредиторам безразлично, кто участвует в обязательстве. Если должник исполнит обязательство в полном объеме одному из солидарных кредиторов, удовлетворение интересов остальных кредиторов будет зависеть от того, возместит ли получатель соответствующие части исполнения другим солидарным кредиторам. В силу этого солидарные кредиторы

заинтересованы в том, чтобы контролировать состав сокредиторов, не допуская произвольного вступления новых лиц, в чьей состоятельности и добросовестности они не уверены.

Эта проблема могла быть решена в Законе по-разному. Первое решение вытекает из очевидной аналогии "совладения" солидарными требованиями и долями в общей собственности. Подобно сособственникам, сокредиторами можно было бы предоставить преимущественное право приобретения солидарных требований по цене предложения третьему лицу. Это решение позволило бы, во-первых, обеспечить сокредиторами контроль за субъектным составом солидарного обязательства, во-вторых, уступать солидарное требование третьим лицам в тех случаях, когда никто из сокредиторов не хочет его приобрести. Однако законодатель выбрал иное решение: уступка солидарного требования требует согласия всех других солидарных кредиторов, т.е. может быть безоговорочно заблокирована, если хотя бы один из сокредиторов не выразит согласие. Это правило необоснованно нарушает баланс интересов, позволяя любому из сокредиторов фактически заблокировать уступку.

Последствием уступки без согласия всех сокредиторов будет оспоримость цессии по правилам ст. 173.1 ГК РФ при доказанной недобросовестности цессионария, знавшего или имевшего основания знать об отсутствии согласия других сокредиторов.

В значительной степени статья 388.1 ГК РФ об уступке будущих требований закрепляет тот либеральный в отношении такой уступки подход, который ранее сформировался в практике ВАС РФ [п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120]. Допустимость уступки будущих прав признается и в международных актах унификации частного права [ст. III.-5:106 Модельных правил европейского частного права, ст. 9.1.5 Принципов УНИДРУА]. Тот факт, что уступка будущего требования была возможна и до появления в ГК РФ в 2014 г. ст. 388.1, подтверждена в Определении КЭС ВС РФ от 6 октября 2016 г. N 305-ЭС16-8204.

При применении данной статьи необходимо прежде всего точно определиться с терминами. "Будущим" является то требование, которое еще вообще не возникло. Теоретически мыслимы как минимум два варианта будущего права.

Первый вариант имеет место тогда, когда речь идет о праве из договора, который еще даже не заключен, возможного в будущем деликта или еще не состоявшегося неосновательного обогащения и т.п. В данном случае можно однозначно говорить о том, что речь идет о будущем праве для целей применения комментируемой статьи.

Второй вариант имеет место тогда, когда уступаемое право основано на уже заключенном договоре, но поставлено под отлагательное условие. Таким условием может быть некое обстоятельство, привнесенное в сделку сторонами (например, выплата дополнительного вознаграждения под условие изменения налогового режима), а также так называемое условие права, встроенное позитивным правом в ту или иную договорную конструкцию (например, страховщик не обязан выплачивать страховое возмещение до наступления страхового случая, должник - платить неустойку до момента нарушения им договора и т.п.). Впрочем, отнесение требований, поставленных в зависимость от обычных отлагательных условий или условий права, к категории будущих не является общепризнанным. В доктрине и практике нередко встречается мнение, что такие права следует считать существующими, но не созревшими. Проблема связана с тем, что в российском праве нет ясности в вопросе, какова природа отлагательно обусловленного права до наступления условия: существует ли оно до момента наступления условия и при наступлении условия лишь созревает либо до наступления условия права нет, а есть особое правовое состояние ожидания наступления условия и соответствующей связанности сторон, но само полноценное право возникает только в момент наступления условия.

При этом не вызывает сомнений то, что к категории будущих прав не относятся права по уже заключенным договорам, по которым еще не наступил срок исполнения (так называемые незрелые требования). Такие права уже возникли, однако они не могут быть осуществлены до наступления определенного срока. Например, право требования возврата уже выданного кредита возникает у банка в момент выдачи кредита, однако оно не может быть осуществлено до наступления срока возврата кредита. Уступка таких возникших, но еще не созревших требований не подпадает под действие правил настоящей статьи об уступке будущих прав.

Квалификация тех или иных прав в качестве будущих требований имеет большое значение в связи с установлением правового режима уступки будущего требования. Например, в силу п. 2 статьи 388 ГК РФ будущее право по общему правилу переходит к цессионарию в момент

возникновения права, в то время как при уступке существующего, но не созревшего права последнее перейдет по общему правилу в момент совершения распорядительной сделки цессии (если только момент перехода права не отсрочен по воле сторон). Если считать право на выплату страхового возмещения до наступления страхового случая (или любое иное право, поставленное под отлагательное условие) будущим правом, то в момент совершения сделки уступки право не перейдет, а замена кредитора состоится автоматически лишь в момент наступления страхового случая. Соответственно, если страхователь-цедент после совершения сделки уступки с таким отложенным распорядительным эффектом, но до момента наступления условия окажется в банкротстве, право на выплату страхового возмещения не перейдет цессионарию и окажется в конкурсной массе цедента. Если считать, что в подобной ситуации речь идет об уступке существующего права, последнее будет считаться перешедшим по общему правилу в момент совершения сделки цессии, и оно будет созревать при наступлении условия уже напрямую у цессионария, что минимизирует риски затягивания данного права в конкурсную массу цедента в ситуации, когда до наступления условия цедент окажется в процедуре банкротства.

Уступка права возможна и тогда, когда уступаемое право обусловлено осуществлением цедентом встречного исполнения своих обязательств перед должником [п. 8 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120]. Так, например, продавец может уступить цессионарию свое требование к покупателю об оплате товара еще до того, как товар им был поставлен и возникли основания для платежа. Будет ли это уступкой будущего права (ст. 388.1 ГК РФ) или уступкой уже существующего, но еще не созревшего права? Этот вопрос в российском праве носит дискуссионный характер в силу доктринальной неопределенности в вопросе о моменте возникновения встречного обязательства, обусловленного осуществлением другой стороной предшествующего исполнения (например, внесением предварительной оплаты).

Согласно одному из подходов встречное обязательство, обусловленное получением предшествующего исполнения от другой стороны, считается поставленным под обычное отлагательное условие и возникает лишь в момент получения предшествующего исполнения. При такой интерпретации если обязательство должника привязано к моменту получения должником исполнения от цедента (например, срок оплаты исчисляется с момента поставки товара), то долг поставлен под условие поставки и возникает лишь в момент поставки. Соответственно, при уступке требования по оплате до поставки речь идет об уступке будущего права, и в силу п. 2 ст. 388.1 ГК РФ право на оплату перейдет к цессионарию с момента возникновения права (т.е. в момент наступления условия - поставки товара). Поэтому цедент до момента наступления такого условия может повторно распорядиться таким правом, а при банкротстве цедента право окажется в его конкурсной массе и не перейдет цессионарию.

Если в рамках такой интерпретации обязательство должника не привязано к моменту исполнения встречных обязательств цедента, а зависит от наступления срока в виде календарной даты или периода времени, исчисляемого с момента заключения договора, то такое обязательство должника возникает уже в момент заключения договора, а в момент получения исполнения от цедента оно лишь "созревает".

Есть и иной подход к решению поставленного вопроса: встречное обязательство, обусловленное получением предшествующего исполнения, возникает в момент заключения договора и лишь "созревает" в момент получения предшествующего исполнения. При таком подходе уступка такого требования по встречному обязательству до указанного момента "созревания" будет уступкой уже существующего права. Соответственно, право перейдет сразу же в момент уступки, цедент не сможет уступить его повторно кому-либо еще и при банкротстве цедента до момента "созревания" встречного обязательства это право не окажется в конкурсной массе цедента.

Вопрос о выборе одного из двух указанных подходов в российском праве пока однозначно не решен. В то же время, как мы видим, от этого выбора зависят очень важные аспекты уступки.

Зачем законодателю потребовалось особое регулирование уступки будущих требований? Первоочередная цель состоит в том, чтобы нормативно обеспечить прежде всего интересы цессионария. Представим себе, что предприятие, имеющее налаженные договорные связи с покупателями его продукции, экстренно нуждается в денежных средствах. В силу разных обстоятельств кредит получить невозможно. Единственный резерв - "запродать" будущую выручку даже с большим дисконтом. Однако если такое предприятие в обмен на немедленный платеж лишь примет на себя обязанность в будущем уступить права требования, которые у него возникнут по

вновь заключенным контрактам, цессионарий окажется в весьма уязвимом положении: если cedent нарушит свою обязанность уступить требования, когда они возникнут, цессионарий будет вынужден длительное время судиться с cedentом с неопределенными перспективами в плане исполнения судебных решений. Законодательное регулирование, закрепленное в комментируемой статье, предлагает принципиально иное решение: если совершена уступка будущего требования, оно переходит к цессионарию автоматически, как только оно возникнет, без дополнительных действий сторон. По сути Закон позволяет совершить сделку уступки до момента возникновения уступаемого права, но сам переход права поставлен под отлагательное условие возникновения права.

Необходимость идентификации уступаемого будущего права связана с тем, что это существенное условие уступки будущего требования, которое должно быть согласовано сторонами. Поскольку на момент совершения цессии права еще нет, законодатель позволяет закрепить в соглашении об уступке параметры, применив которые можно будет идентифицировать уступаемое требование не позднее его возникновения (например, указать, что уступаются все права, которые возникнут из первого договора с конкретным контрагентом, заключенного в будущем месяце). Аналогичные правила о предмете уступки будущих требований содержатся в международных источниках [п. 1 ст. III.-5:106 Модельных правил европейского частного права, ст. 9.1.5 Принципов УНИДРУА].

При уступке будущего права риск того, что уступаемое право не возникнет, лежит на cedente. Если в течение оговоренного сторонами срока право так и не возникнет, цессионарий вправе отказаться от договора и потребовать возврата уплаченных средств.

Спорным является вопрос о том, могут ли стороны соглашения об уступке будущего права переложить риск невозникновения права на цессионария. Как представляется, такое проявление свободы договора следует признать как минимум по общему правилу допустимым. Так, например, лицо может уступить цессионарию права на любые деликтные притязания, которые могут возникнуть у этого лица в будущем по отношению к тем или иным определенным в соглашении или даже любым делинквентам, на случай причинения вреда его имуществу, с условием о том, что уплаченные цессионарием cedенту средства в рамках соглашения об уступке не возвращаются, если основания для деликтных притязаний так и не возникнут. В то же время более сомнительна такая алеаторная конструкция в случаях, когда возникновение права находится в исключительной сфере контроля самого cedента. Иначе получается, что обязательства по возврату уплаченных средств оказываются поставленными под отлагательное потестативное условие на стороне должника, что во многом противостоит естественности.

Очень важным положением договора об уступке будущего права является условие о сроке, в течение которого стороны готовы ожидать возникновения права. Вряд ли разумно считать это условие существенным и признавать договор об уступке незаключенным в случае отсутствия в договоре такого положения. Более логичным выглядит следующее решение: при отсутствии в договоре условия о сроке суд должен восполнить пробел в договоре по правилам ст. 6 ГК РФ, применив разумный срок. Соответственно, если право не возникнет в течение разумного срока, цессионарий получает право на отказ от договора и возврат уплаченных средств. Это связано с тем, что право в целом негативно относится к вечной "подвешенности" в отношениях сторон договора. Трудно предполагать, что разумные участники оборота, всесторонне и взвешенно оценившие последствия договора, согласились бы связать себя состоянием неопределенности, вообще не ограниченной каким-либо сроком.

По правилам об уступке будущих требований можно распорядиться не только единичным будущим требованием, но и целым пулом будущих прав. Например, завод-изготовитель может "запродать" все права по поставкам своей продукции в течение предстоящего года. Аналогичное решение содержится в п. 2 ст. III.-5:106 Модельных правил европейского частного права.

Пунктом 2 ст.388.1 ГК РФ определяется момент перехода будущего требования. Очевидно, он не может наступить раньше, чем данное требование возникнет, ибо не может перейти то, чего еще нет. По умолчанию будущее требование автоматически переходит к цессионарию в тот момент, когда оно возникнет (здесь речь идет именно о переходе, что предполагает следующий юридический прием: требование возникает у cedента и сразу же через логическую секунду переходит к цессионарию). Это позволяет обеспечить соблюдение принципа правопреимства и предполагает переход требования в том состоянии, в каком оно возникло у cedента (со всеми обеспечениями, дополнительными правами и со всеми обременениями, которые успели возникнуть). В то же время

следствием такого решения является то, что при банкротстве cedenta соответствующее еще не перешедшее к цессионарию право попадает в конкурсную массу cedenta и правовой эффект распоряжения не может наступить автоматически [Определение КЭС ВС РФ от 6 октября 2016 г. N 305-ЭС16-8204].

В Модельных правилах европейского частного права закреплено такое же решение в отношении вопроса о моменте перехода права [п. 1 ст. III.-5:106]. В то же время Принципы УНИДРУА предусматривают иной ретроспективный подход: право перейдет при условии его возникновения, но считается перешедшим будет с момента совершения сделки цессии [ст. 9.1.5].

Такое решение, безусловно, выгодно цессионарию, так как исключает риск попадания данного права в конкурсную массу cedenta в случае, если cedent окажется в процедуре банкротства после совершения сделки уступки, но до возникновения права. Но при этом оно представляется менее удачным, чем то решение, которое реализовано в ГК РФ и закреплено в Модельных правилах европейского частного права, так как оказывается крайне несправедливым по отношению к иным кредиторам cedenta-банкрота и создает условия для вывода из конкурсной массы cedenta значительных активов в виде обязательственных прав в отношении тех или иных должников.

Норма статьи 388.1 ГК РФ является односторонне диспозитивной, т.е. позволяет сторонам договориться о том, что будущее требование переходит позже его возникновения. Например, переход требования может быть приурочен к перечислению какой-то части покупной цены или предоставлению иного имущества. Договориться о том, что право перейдет ранее момента его возникновения, нельзя. Такое проявление свободы договора в принципе будет противоречить природе вещей, так как нельзя передать то, чего еще нет, а следовательно, подобная договоренность будет ничтожной в силу противоречия существу законодательного регулирования [п. 74 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. N 25].

При уступке будущих требований должник должен быть уведомлен об уступке после того, как уступаемое право возникло и перешло к цессионарию. То, что уведомление по общему правилу направляется должнику после перехода права, недвусмысленно вытекает из смысла положений ст. 385 ГК РФ. Тот же подход применим и к уступке будущих прав. В принципе нет возражений против того, чтобы такое уведомление было выслано должнику после заключения соглашения об уступке будущего права, но до его возникновения и перехода цессионарию, однако при этом правовой эффект такого уведомления будет наступать не ранее возникновения и перехода права, иначе бы право поставило должника в крайне сложное положение. Как уже указывалось, должник лишается права заявлять против нового кредитора возражения, которые вытекают из его отношений с предшествующим кредитором и основания для которых возникли до получения уведомления об уступке [ст. 386 ГК РФ]. В таких условиях если бы позитивное право при уступке будущих прав связывало эти правовые последствия уведомления с моментом получения такого уведомления, а не с моментом возникновения и перехода права, то уступка будущих прав значительно сильнее ущемляла бы интересы должника, отсекая значительное количество возможных возражений, которые могли бы накопиться у должника за период с момента получения такого предварительного уведомления до момента реального перехода права.

Что произойдет, если одно и то же будущее требование будет уступлено несколько раз до момента его возникновения? Очевидно, что право в момент его возникновения должно будет перейти одному из цессионариев, а другой сможет лишь привлечь cedenta к ответственности по правилам ст. 390 ГК РФ. Но кто из цессионариев приобретет само право, ведь для всех таких цессионариев момент перехода права, указанный в комментируемом пункте, будет одинаков? В ГК РФ нет решения этого вопроса. Одним из возможных решений является признание приоритета за тем цессионарием, договор с которым был заключен ранее.

Сделка цессии должна быть совершена в той же форме, что и сделка (чаще всего договор), из которой возникло уступаемое требование. Так, если уступается денежное требование продавца из договора купли-продажи, который был удостоверен у нотариуса, то и сама уступка требования подлежит нотариальному удостоверению. Следовательно, если сделка, из которой возникло уступаемое требование, была устной (и это допускалось законом), то и уступка требования по такой сделке тоже может быть совершена устно.

Если эта сделка отражается в соглашении об уступке (с моментальным, отсроченным или обусловленным эффектом перехода права), указанный принцип следования формы будет распространяться и на соглашение об уступке как минимум, в части содержащегося в нем

распорядительного волеизъявления. Если уступка оформляется отдельно в виде самостоятельного акта, то указанный принцип "следования формы" применяется именно к такому акту.

Если уступка в силу принципа "следования формы" должна быть удостоверена нотариально, то нарушение этого требования повлечет ничтожность уступки [п. 3 ст. 163 ГК РФ]. Если договор, из которого возникло уступленное право, был совершен в простой письменной форме, а уступка совершена устно, то в силу ст. ст. 160 и 162 ГК РФ такая уступка действительна, но стороны не могут ссылаться на свидетельские показания при доказывании факта ее совершения и ее условий.

Интересный вопрос возникает в случае уступки права, не вытекающего из сделки (например, кондикционного требования). Применительно к таким ситуациям положение комментируемой нормой не действует. Соответственно, встает вопрос о форме такой уступки. Логичным является применение к такой ситуации общих правил о форме сделки [ст. 158 - 163 ГК РФ].

В случае уступки требования по зарегистрированному договору аренды недвижимости соглашение об уступке такого требования подлежит государственной регистрации. Данное правило не знает исключений, поэтому регистрации подлежат соглашения об уступке любых требований, возникших из зарегистрированных договоров (см., например, п. 12 информационного письма ВАС РФ от 16 февраля 2001 г. N 59). При этом согласно п. 3 ст. 433 ГК РФ такой договор уступки, не прошедший государственную регистрацию, будет действительным и порождать соответствующие права и обязанности в отношениях между cedentом и цессионарием, но не будет порождать правовых последствий для третьих лиц (например, должника). Соответственно, должник вправе игнорировать уведомление об уступке в ситуации отсутствия государственной регистрации уступки. Кроме того, такая цессия не может быть противопоставлена иным третьим лицам.

В каких случаях регистрация соглашения об уступке требования может оказаться полезной третьим лицам? Например, покупатель торгового центра в случае отсутствия регистрации уступки требований по уплате арендной платы может столкнуться с тем, что, купив торговый центр и рассчитывая на сохранение пула арендаторов и соответствующий стабильный финансовый поток от арендных платежей, он окажется ни с чем в силу того, что прежний собственник еще до продажи уступил все права по арендной плате за будущие периоды аренды третьим лицам. Ликвидность недвижимости в такой ситуации резко падает, и новому собственнику придется судиться с прежним, расторгать договор или требовать возмещения убытков. Соответственно, регистрация как минимум уступки будущих или еще не созревших прав из договора аренды может помочь покупателю недвижимости.

Допустимость уступки права в целях обеспечения обязательства также признается Принципами УНИДРУА (ст. 9.1.1) и Модельными правилами европейского частного права (п. 1 ст. III.-5:103). В то же время как титульное обеспечение в целом, так и данная его форма порождает множество острых правовых вопросов (включая и важные аспекты, связанные с последствиями банкротства участников таких сделок), которые в российском праве пока не достаточно разработаны. Анализ этой проблематики выходит за рамки настоящего отчета.

Модельные правила европейского частного права также базируются на принципе разделения обязательственного соглашения и распорядительной сделки, допуская как возможность объединения договора, на основании которого осуществляется уступка, и распорядительной сделки уступки, так и возможность их разъединения [п. 3 ст. III.-5:104 и п. 1 ст. III.-5:118)].

Существенным условием как соглашения об уступке, так и самой уступки является право, которое уступается. Предмет уступки может быть идентифицирован по-разному. Стороны вправе договориться о переходе одного или нескольких конкретных обязательственных требований либо установить параметры определения того, какие требования передаются (например, все права, возникшие у поставщика из указанного договора поставки в период с 1 января по 1 марта 2016 г.; ср. ст. 9.1.6 Принципов УНИДРУА, п. 2 ст. III.-5:106 Модельных правил европейского частного права).

Судебная практика однозначно поддерживает тезис о том, что cedent отвечает перед цессионарием за убытки. Так, согласно п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120 "недействительность требования, переданного на основании соглашения об уступке права (требования), не влечет недействительности этого соглашения. Недействительность данного требования является... основанием для привлечения цессионарием к ответственности кредитора, уступившего требование".

Аналогичное решение закреплено и в международных актах унификации частного права. Так, согласно Модельным правилам европейского частного права наличие у cedentа уступаемого права

требуется на момент перехода права, а не на момент заключения договора, на основании которого осуществляется уступка, и даже не на момент совершения самой распорядительной сделки цессии при отложенном распорядительном эффекте (п. 2 ст. III.-5:104, ст. III.-5:111).

В связи с проблемой каузальности цессии возникает еще один важный вопрос: подлежит ли защите добросовестный приобретатель требования, которое уступалось ему по цепочке цессионных сделок (подобно добросовестному приобретателю вещи, который защищается по ст. 302 ГК РФ)? Закон такую защиту добросовестному цессионарию не предоставляет. В судебной практике ст. 302 ГК РФ не применяется по аналогии к приобретению права требования.

Напротив, суды высказывают прямо противоположную позицию (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 18 февраля 2014 г. N 5243/06). Такое положение вещей крайне пагубно сказывается на обороте обязательственных прав. При каждой последующей уступке такого права риски очередного цессионария возрастают, так как в полной мере проверить действительность всех предыдущих соглашений об уступке он в принципе не в состоянии, а при этом недействительность любого из них в условиях каузальной модели уступки означает для цессионария то, что он на самом деле никакого права не приобрел. Это приводит к тому, что уже при второй уступке в цену закладывается значительная скидка за риск, права недооцениваются, и это существенно затрудняет их оборот.

Можно предположить, что в российском праве, традиционно отвергающем абстрактность распорядительных сделок, разумно было бы разработать доктрину защиты добросовестного приобретателя обязательственного права по образцу ст. 302 ГК РФ и условия допустимости такой защиты. Например, наличие у cedentа оригиналов документов, подтверждающих долг (договор, акт и т.п.), может выступать в качестве аналога владения и являться основанием возникновения видимости уполномоченности cedentа, достаточной для защиты цессионария. Впрочем, детали этого правового решения подлежат дальнейшему обсуждению.

При заключении договора, в котором нет указания на возмездность уступки и (или) цену, но при этом нет и прямого указания на безвозмездность, возмездный характер договора должен предполагаться (п. 3 ст. 423 ГК РФ). Размер денежного вознаграждения cedentа в данном случае должен определяться на основании п. 3 ст. 424 ГК РФ. Соглашение об уступке права (требования) может быть квалифицировано как дарение только в том случае, если будет установлено намерение сторон на безвозмездную передачу права (требования) (см. п. 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120). Это имеет важное значение в контексте запрета дарения между коммерческими организациями (ст. 575 ГК РФ).

Заключение:

На основании проведенного анализа, сформулируем следующие выводы: Главой 24 ГК РФ регламентируются два института обязательственного права - это уступка требования и перевод долга. Но, исходя из анализа материалов судебной практики, наиболее распространены споры, которые связаны с применением норм об уступке требования. При этом, общеизвестно, что финансирование, предусмотренное ГК РФ, имеет разные формы: предоставление денежных средств, осуществляемое под уступку денежного требования (классический факторинг); предоставление денежных средств, реализуемое под обеспечение уступкой денежного требования (обеспечительный факторинг), а также заем (кредит). В последнем случае, на наш взгляд, стороны договора также вправе указать, чтобы заем (кредит) был выдан под обеспечительную уступку денежного требования. При этом заимодавец кредитует заемщика, который принимает на себя обязанность возратить сумму займа заимодавцу (кредитору) с вознаграждением в виде процента за пользование займом (кредитом) в соответствии с условиями заемного обязательства. Исполнение именно этого обязательства заемщика и обеспечивается уступкой денежного требования заемщика к своим дебиторам.

В соответствии с нормами российского гражданского права, уступка права требования (цессия) представляет собой форму сделки, в результате которой одна сторона передает другой стороне право требовать исполнения своих обязательств у третьей стороны.

Цессия (уступка права требования) - это способ частичного правопреемства, в результате совершения которого происходит замена активной стороны обязательства (кредитора) при сохранении самого обязательства. Цессия выражается в передаче первоначальным кредитором новому кредитору определенного права в силу сделки или на основании закона. Но договор, которым оформляется переход права, не носит автономного характера: к нему применяются нормы, которые регулируют соответствующий тип отношений (чаще всего о купле-продаже, мене, если договор

возмездный; дарении, если договор безвозмездный).

Так как в силу заключения соглашения о цессии, определяющего взаимные права и обязанности cedentа и цессионария (п. 1 ст. 389.1 ГК РФ), возникает новое обязательственное правоотношение (ст. 307 ГК РФ), в основе цессии лежит не соглашение, а договор.

Перечень существенных условий договора между cedentом и цессионарием в ст. 389.1 ГК РФ не предусмотрен. Представляется, что условием о предмете данного договора выступают действия по уступке права, возникшего в рамках определенного в договоре обязательства. Заключая конкретный договор цессии, сторонам, в частности, необходимо согласовать также условие о его возмездности либо о его безвозмездности, о порядке уведомления должника, о перечне необходимых документов, подтверждающих права нового кредитора.

Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника.

Установить какой-либо перечень обязательств, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, вряд ли возможно. Анализ судебной практики позволяет выделить случаи, когда личность кредитора не имеет существенного значения:

По денежным обязательствам в тех случаях, где одна из сторон не осуществляет лицензируемую (или требующую иного вида разрешения) деятельность, личность кредитора не имеет существенного значения и уступка возможна по общему правилу без согласия должника;

Не имеет существенного значения для должника личность кредитора при уступке прав (требований) возникших из договоров, которые заключаются лицом в отношении любого и каждого, кто обратится с требованием о его заключении. Например нет видимых препятствий для уступки прав из публичного договора.

Соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (cedent) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

В таком виде это правило действует после изменений, внесенных Законом № 42-ФЗ.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс РФ;
2. Принципы международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА);
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. N 120;
4. Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. N 17;
5. Определение КГД ВС РФ от 21 апреля 2015 г. N 36-КГ15-4;
6. Информационное письмо ВАС РФ от 16 февраля 2001 г. N 59;

Башмакова Вера Владимировна
Vera Vladimirovna Bashmakova

магистрант, Российская таможенная академия, e-mail: veravera217@gmail.com

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ ПО ДОГОВОРАМ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ACTUAL PROBLEMS ARISING IN THE CONSIDERATION OF DISPUTES ON AGREEMENTS IN THE FIELD OF TRANSPORT ACTIVITY

Аннотация: в рассматриваемой статье проводится анализ разрешения споров, связанных с деятельностью транспортных компаний, проводится оценка мнений судов при их разрешении. В данной статье рассматривается три правовых института: претензионный порядок урегулирования спора, применение судами срока исковой давности, а также особенность рассмотрения споров, связанных с перегрузом при осуществлении перевозок. Проведение анализа указанных институтов являются наиболее актуальными по данной тематике ввиду их широкого применения судами.

Abstract: this article analyzes the resolution of disputes related to the activities of transport companies, evaluates the opinions of the courts in resolving them. This article discusses three legal institutions: the claims procedure for resolving a dispute, the application of the statute of limitations by the courts, and the specifics of considering disputes related to overload during transportation. The analysis of these institutions, the most relevant on this topic in view of their widespread use by the courts.

Ключевые слова: грузоперевозки, претензия, исковая давность, договор перевозки, грузоотправитель, грузополучатель, перевозчик, штраф, неустойка, ответственность, потеря груза.

Keywords: freight, claim, limitation, contract of carriage, consignor, consignee, carrier, fine, penalty, liability, loss of cargo.

В настоящее время Россия активно развивает дорожную сеть во всех направлениях транспорта, что способствует увеличению объема грузоперевозок на территории нашей страны. Старая инфраструктура заменяется новой, строятся новые объекты. С возрастанием объема перевозок неизбежно и увеличение судебных споров как между транспортными компаниями, так и между отправителями, грузополучателями и перевозчиками.

Осуществление перевозок регламентируется не только положениями главы 40 ГК РФ [3], но и другими законодательными актами: транспортными уставами, которым к примеру является Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [15] и Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [16], а также специальными кодексами: Воздушный кодекс Российской Федерации, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации и Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации.

Основанием для возникновения правоотношений в области перевозки является заключение договора перевозки. При возникновении факта нарушения условий договора необходимо применять досудебное урегулирование с помощью претензии. Претензионный порядок направлен на мирное урегулирование спора и является способом снижения нагрузки на суд.

П. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ устанавливает, что исковое заявление подлежит возврату заявителю, если будет установлено, что претензионный порядок, установленный законом, не был соблюден. В случае, если такой иск будет принят судом, то иск подлежит оставлению без рассмотрения (п. 2 ч. 1, ст. 148 АПК РФ) [1].

Соблюдение претензионного порядка регламентировано, к примеру, в Правилах перевозок грузов автомобильным транспортом, и иных актах в сфере перевозки [4, С. 452].

Однако регламентированное определение понятия «претензия» в российском законодательстве отсутствует, как и то положение, обязана ли сторона, предъявившая требование, предоставлять другой стороне какие-либо доказательства для подтверждения своих требований.

В отношении обязательств, возникающих из договоров о перевозке грузов на автомобильном транспорте, в ст. 79 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом [8] указаны требования по содержанию претензии, и обязательное условие, чтобы претензия была направлена в течение

срока исковой давности, который составляет один год с момента возникновения обстоятельств по предъявлению требований. Отсутствие законодательного регулирования самого претензионного порядка является существенным упущением законодательства, поскольку способствует к формальному соблюдению претензионного порядка, т.е. претензионный порядок является первой ступенью для обращения с иском в суд, а не способом решить конфликт до суда.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся проблемы применения претензионного порядка в транспортных спорах.

Ввиду того, что законодательно не определено, что такое претензионный порядок, сторона может утверждать, что претензионный порядок не соблюден и настаивать на оставлении искового заявления без рассмотрения.

По иску к ОАО «РЖД» (ответчик) о взыскании неустойки за просрочку доставки груза, ответчик указывал на то, что истцом не был соблюден досудебный порядок урегулирования спора, ввиду того, что вместе с претензией не были представлены документы обосновывающие требования.

С позицией ответчика суд не согласился ввиду того, что статьей 120 Устава железнодорожного транспорта установлено, что до предъявления к перевозчику иска, связанного с осуществлением перевозок груза, обязательно предъявляется претензия, к которой должны быть приложены документы, подтверждающие предъявленные заявителем требования. Из материалов дела следовало, что истец в претензии указал по каким электронным накладным имеется просрочка обязательств. Поскольку спорные перевозки осуществлялись по электронным накладным, то указанные накладные также имелись у ответчика ввиду того, что он мог их найти через автоматизированную систему «ЭТРАН», поэтому необходимость дополнительно предоставлять указанные накладные ответчику отсутствовала [13].

Другим доводом для оставления искового заявления без рассмотрения ввиду несоблюдения претензионного порядка, по мнению ответчика ОАО «РЖД», по другому делу, было то, что претензия была направлена истцом за пределами установленного срока. В статье 123 Устава железнодорожного транспорта [15] регламентированы сроки для направления претензии. В отношении споров по исполнению обязательств срок составляет 6 месяцев, по спорам по применению штрафов и неустойки срок составляет 45 дней с момента возникновения нарушения. Суд отклонил указанный довод, поскольку направление претензии за пределами установленных сроков, при условии соблюдения правил предъявления претензий, установленных Уставом и правилами перевозок грузов, не является основанием для оставления без рассмотрения или возвращения искового заявления. Пропуск срока в данном случае на существо ответственности не влияет [9].

Позиция по соблюдению претензионного порядка была также высказана в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2020 N 01АП-10763/2019 по делу N А43-22955/2019 [10]. Ответчик по делу ссылался на то, что претензия им была получена после поступления искового заявления в суд, что свидетельствует о несоблюдении досудебного порядка разрешения спора.

С такой позицией не согласился арбитражный суд апелляционной инстанции, ввиду следующего. Досудебное урегулирование является стадией мирного разрешения спора, т.е. без вмешательства специальных государственных органов для его разрешения. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015) [7] указано, что несоблюдение претензионного порядка разрешения спора не является безусловным основанием для оставления искового заявления без рассмотрения. В рассматриваемом случае претензия действительно была получена ответчиком после принятия искового заявления судом. Из материалов дела следует, что во время рассмотрения спора в суде первой инстанции ответчиком не были предприняты попытки мирного урегулирования спора. В данном случае, если оставлять искомое заявление без рассмотрения, по формальному основанию, это нарушит права истца, поскольку он обратился за судебной защитой правомерно. Оставление искового заявления без рассмотрения приведет только к затягиванию срока, но не разрешит спор по существу. Таким образом, в рассматриваемом случае у суда не было оснований для оставления искового заявления без рассмотрения.

На основании вышеизложенного, претензионный порядок урегулирования спора недостаточно законодательно регламентирован, носит формальный характер, что не способствует развитию и сохранению отношений между хозяйствующими субъектами.

Другим немаловажным фактором при рассмотрении дел с участием транспортных компаний является применение срока исковой давности.

В соответствии со ст. 200 ГК РФ [2], общий срок исковой давности составляет 3 года. Исключением является, если иной срок не установлен в специальном законе, регулирующем конкретные правоотношения. В отношении договоров перевозки действует специальное законодательство в области транспорта: Кодекс торгового мореплавания РФ [6], Устав железнодорожного транспорта [15], Кодекс внутреннего водного транспорта РФ [5], ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [17], Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [16] и другие.

Указанные акты содержат положения о том, что срок исковой давности составляет 1 год. Указанный срок начинает истекать тогда, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Особенность данного процессуального института заключается в том, что он носит заявительный характер, т.е. лицо может подать исковое заявление в суд и суд будет его рассматривать, если другая сторона не заявит ходатайство о применении срока исковой давности.

В случае, если суд установит пропуск указанного срока последует отказ в иске. Транспортное законодательство не предусматривает уважительных причин для восстановления срока исковой давности ввиду того, что обязательства вытекают из предпринимательской деятельности. Однако течение срока исковой давности может быть приостановлено, а именно на срок рассмотрения претензии.

Статьями 39, 40, 41 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [16] предусмотрен обязательный претензионный порядок урегулирования споров по договорам перевозки груза. Срок рассмотрения претензии составляет 30 дней, соответственно, на указанный срок продлевается срок исковой давности.

Рассмотрим судебную практику применения указанного правового института, и какие основания являются достаточными для применения судами срока исковой давности.

Так, Арбитражный суд Нижегородской области [14] отказал истцу в удовлетворении исковых требований о взыскании стоимости утраченного груза из-за пропуска им срока исковой давности. Истец не согласился и обжаловал решение суда, ссылаясь на то, что об утрате груза он узнал при составлении актов сверки взаимных расчетов с грузополучателем, и именно с этой даты истец отчитывал срок исковой давности. Таким образом, истец ссылался на то, что срок исковой давности отчитывается с момента, когда лицо узнало о данном факте.

С позицией истца арбитражный суд апелляционной инстанции также не согласился ввиду того, что указанный момент установлен в законодательных актах. В силу пункта 3 статьи 14 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта груз считается утраченным, если с даты его необходимой доставки прошло 30 дней и он не вручен грузополучателю. Именно с этой даты закон устанавливает начало течения срока исковой давности. Иные доводы судом были отклонены, как противоречащие изложенным нормам права [11]. Исходя из материалов дела, срок исковой давности был установлен.

Таким образом, срок исковой давности является важным процессуальным фактом для рассмотрения дела по существу.

Одним из самых распространенных споров в рамках осуществления перевозок являются споры по перегрузке груза. Грузоотправитель всегда стремится сэкономить на перевозке груза, применяя различные хитрости по обвесу перевозчика.

На перевозчике лежит ответственность по безопасной доставке груза, осуществлении доставки в срок, указанный в транспортной документации.

Все характеристики провозимого груза указываются в транспортной накладной (вес, габариты груза и т.п.). Грузоотправитель несет ответственность перед перевозчиком за недостоверные сведения, указываемые в провозных документах. При выявлении недостоверных сведений грузоотправителю придется выплатить штраф в пятикратном размере, что предусмотрено ст. 102 УЖТ РФ [15].

Так, по мнению Первого арбитражного апелляционного суда, изложенного в Постановлении от 31.10.2019 N 01АП-8621/2019 [12], на грузоотправителя возложена обязанность по предоставлению доказательств того, что им была указана верная информация в транспортных документах.

В рассматриваемом деле грузоотправитель (ответчик) оспаривал факт предоставления им недостоверных сведений в провозных документах считая, что указанная ошибка носит технических характер, кроме того, просил дополнительно снизить взысканный судом первой инстанции штраф, уменьшенный в порядке ст. 333 ГК РФ, из-за того, что организация является субъектом малого бизнеса и указанная сумма штрафа нанесет имущественный вред компании.

Указанные доводы арбитражный суд апелляционной инстанции при разрешении спора не принял, вследствие того, что грузоотправитель несет ответственность перед перевозчиком за недостоверные сведения в неоспоримом порядке. Обвес выявлен на техническом пункте контроля, средства измерения имеют надлежащую поверку, что означает верность установленных показателей.

Отсутствие вины ответчика, нарушившего обязательство, связанное с перевозками, не может служить основанием для освобождения от ответственности, если перевозки производились в связи с осуществлением ответчиком предпринимательской деятельности [12].

Таким образом, в законодательстве существует определенный баланс регулирования интересов всех участников договоров в сфере транспортной деятельности, с целью увеличения количества осуществляемых перевозок. И задача суда при рассмотрении дел, связанных с осуществлением транспортной деятельности, применить необходимую норму права, регулиющую данные правоотношения.

Проведенный анализ в данной статье свидетельствует о том, что зачастую вне судебного процесса стороны не готовы разрешать дело мирным путем или на взаимных уступках. Получение прибыли в виде штрафов и неустоек многие транспортные компании видят, как один из способ получения прибыли, а не развития партнерских отношений. И как следствие, в связи с экономическим кризисом многим компаниям приходится прекращать деятельность либо инициировать процедуру банкротства.

Законодательно регламентированный претензионный порядок мог бы решить проблемные вопросы по возникшим спорам, но в настоящее время он применяется только формально.

Также, с учетом особенностей отношений в данной сфере можно было бы предложить ввести в институт исковой давности понятие уважительной причины пропуска срока исковой давности, с целью защиты интересов истца. Это было бы законодательно обоснованно, поскольку из общего принципа следует, что все равны по закону и суду, следовательно, положения данного института должны распространяться и для юридических лиц.

Библиографический список:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. N 30. ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. ст. 410.
4. Демичев С. Е. Претензионный порядок в законодательстве Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Молодой ученый. - 2019. - №23. - С. 451-454.
5. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 N 24-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 12.03.2001. N 11. ст. 1001.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. N 18. ст. 2207.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 9. Сентябрь 2016 (извлечение).
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2011 N 272 (ред. от 31.01.2020) Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом // Собрание законодательства РФ. 25.04.2011. N 17. ст. 2407.
9. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2018 N 01АП-821/2018 по делу N А43-34858/2017.
10. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2020 N 01АП-10763/2019 по делу N А43-22955/2019.
11. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2019 N 01АП-9744/2019 по делу N А43-3130/2019.

12. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2019 N 01АП-8621/2019 по делу N А43-21914/2019.

13. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 15.01.2018 N 01АП-9142/2017 по делу N А43-23152/2017.

14. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 27.09.2019 по делу А43-3130/2019.

15. Федеральный закон от 10.01.2003 N 18-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.01.2003. № 2. ст. 170.

16. Федеральный закон от 08.11.2007 N 259-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. 12.11.2007. N 46. ст. 5555.

17. Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 07.07.2003. N 27 (ч. 1). ст. 2701.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140